

* * *

Я глиняный сверчок. Ломай меня, лепи.
Люби за кроткий нрав. Воспитывай за леность.
Со мною нужно всё. Твори и не терпи.
А если что не так — прости за откровенность.
Я этого хочу. И пульс не учащён.
Молчание легло на горло и под рёбра.
Несётся под уклон мой голубой вагон,
гремит, полупустой, надрывно и подробно.
Я знаю свой шесток. Забрался в уголок.
Держусь за узелок, проверенно и твёрдо.
Глазёнки — в потолок. Прикушен язычок.
Давно не свежачок, вообще «второго сорта».
За печкой просиял, погас, как светлячок.
Уткнулся в кулачок. Не думаю, не знаю.
Аккорд, ещё аккорд. И выдох. И — молчок.
Свищу себе под нос, а слов не разбираю.

* * *

Люди-пингвины тычутся в спины, давятся «дружно» в метро.
С краю заходят, из середины, хмуρο или хитро.
Новые станции не успевают. Дверь закрывают на вход.
А пассажиры всё прибывают. Стресс неуклонно растёт.
Хочешь не хочешь — ехать придётся. Вот и сними рюкзачок.
Проще простого, а людям — удобство. Не поленись, чувачок.
Переглянись, улыбнись и не бойся — правильно люди поймут.
Не удаётся, а ты успокойся. Долгим не будет маршрут.
«Звёзды» в метро по утрам не заходят, как и придворная знать.
Людам-дельфинам в дикой природе легче существовать.

* * *

Любая страсть иссушает душу.
Гортань пересохнет, потом язык.
Так, мореход вернулся на сушу,
а там, как Брат говорил, кирдык
всему, что давно мореход оставил,
легко и властно держа штурвал.
Представь, что ты — это он. Представил?
Пришёл, увидел и потерял.
Не удивляйся. Не отклоняйся.
Молчи и слушай, гляди в трубу.
Одно и то же? Не сомневайся.
Меняют имя, но не судьбу.
Чем дальше в море, тем ярче звёзды.
Чем ближе к дому, тем веселей.
Так было раньше, так будет позже.
Течение вынесет, Одиссей.

* * *

Расписные карусели улетели в небеса.
Что же мы, на самом деле, проглядели все глаза
и не видели, откуда взялся ветер перемен?
В жизни каждая минута — предсказуемый рефрен.
И невольно, и подспудно, от назначенной оси.
Потому вдали так смутно, неприкаянно вблизи
между нами. Миг потери очень часто слишком скор.
Кто же мы, на самом деле, друг для друга до сих пор?
Почему настолько зыбко то, что кажется своим,
и печальная улыбка так понятна нам двоим?
Но и эта карта бита. Вот он круг, и вот он край.
Поднебесная открыта, только ты не умирай.

* * *

Бетховен не слышит. Общается письменно.
Играет, как дышит, прицельно и пристально.
В упор не глядит, но доводит до крайности.
А реквием пишется в тайной тональности.
Играет размеренно, в лунном сиянии,
от злобы и зависти на расстоянии.
Неподлинный реквием — не помешательство.
— Помочь по-приятельски, Ваше мечтательство? —
ужасный Сальери достоин презрения...
А Моцарт, как правило, вне подозрения.

* * *

Джойс мог быть немцем, американцем
и даже... русским. Но был ирландцем.
А Пушкин — греком или французом,
новозеландцем или индусом.
Но русским был и остался. Так-то.
Ему хватило тепла и такта
не отказаться, а приобщиться.
Не насмехаться, но вдохновиться.
Оговорили и заклевали.
Дантес — шестёрка. Ему — сказали.
Ему сказали, и он повёлся.
А чья затея — не раскололся.
Лицо без грима, в душе — угроза.
Известно имя, цена вопроса.
Загнали в угол, вопят: «К барьеру!»
А он не думал. Он всё — на веру.
К чему пророкам земные сети?
Они — иные на этом свете.

ПРУСТ

Это дико смешно на французском,
а на русском — ужасно тоскливо.
Умоляю, не нужно о грустном.
Это — Пруст. Это просто красиво.
Не вульгарно и не примитивно.
Не масскультовое ширпотребство.
Психология, но без надрыва.
Философия, но без подтекста.
Вызывающе ретроспективно.
Своенравно, порой несуразно.
Не заумно, по-детски наивно.
Эпатажно, куражно, экстазно!
А ещё — откровенно о главном.
Не скабрёзно о том, что курьёзно.
О себе — без издёвки забавно.
О других — иронично серьёзно.
От безгласной судьбы до бесславной,
возникает скачок напряжения.
Так капризное зеркало Свана
будоражит воображение.
Переводы даны в утешение.
Уменьшительно и однозначно.
Словно выстрелы на поражение —
неудачно.

* * *

Скажешь, что много текста,
ошибок масса.
Хочется меньше теста
и больше мяса.
Делайте что хотите,
иначе — в ступор.
Мясо не ем, простите.
Орехи — супер!
Но из тюрьмы не выйти,
она — повсюду.
Кто-то кричит «Спасите!»,
а я не буду.
Чую тибетский берег,
вершину Лхаса.
Воздух нужнее денег
и нефти-газа.
Хочется по возможности,
в полной мере.
Сбудется по способности
и по Вере.